

УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2020-4-145-149

Пьянкова Наталья Викторовна
Natalya V. Pyankova

заместитель начальника отдела следственной части главного следственного управления
Главное управление МВД России по Пермскому краю (614990, Пермь, Комсомольский пр., 74)

deputy head of the investigation department of the main investigation department
Main department of the Ministry of internal affairs of Russia for the Perm region (74 Komsomolsky av.,
Perm, Russian Federation, 614990)

E-mail: py-nataly@yandex.ru

Организационные и эвристические основания принципа самостоятельности и независимости следователя

Organizational and heuristic bases of the principle of independence and independence of the investigator

Принцип самостоятельности и независимости следователя в науке пока не имеет под собой четко сформулированных методологических оснований. Доминирующий подход к этому принципу представляет собой аксиоматическую констатацию теоретической и практической его ценности. При подобном подходе научный акцент сделан на вопросе о пропорциях распределения самостоятельности и независимости между участниками процесса. Автор считает, что подобного подхода недостаточно. Необходима глубокая концептуальная проработка проблемы сущности принципа самостоятельности и независимости следователя. Для этого необходимо выделять в его понимании эвристический и организационно-управленческий концепты.

Ключевые слова: самостоятельность и независимость следователя, принципы уголовного процесса, эвристический концепт, организационный аспект.

The principle of independence and independence of the investigator in science does not yet have a clearly formulated methodological basis. The dominant approach to this principle is an axiomatic statement of its theoretical and practical value. With this approach, the scientific focus is on the question of the proportions of the distribution of independence and independence between the participants in the process. The author believes that this approach is not enough. A deep conceptual study of the problem of the essence of the principle of independence and independence of the investigator is necessary. To do this, it is necessary to distinguish between heuristic and organizational-management concepts in its understanding.

Keywords: independence and independence of the investigator, principles of criminal procedure, heuristic concept, organizational aspect.

Принцип самостоятельности и независимости следователя в последние годы находится в центре внимания юридической науки. Несмотря на разные точки зрения относительно наименования и содержания этого принципа, исследователи единодушно признают его ценность для отечественного уголовного судопроизводства. По сути большинство позиций объединяет единый подход, который можно назвать аксиолого-прагматическим подходом.

Несмотря на доминирование этого подхода в теории, его нельзя признать таковым в уголовно-процессуальном законодательстве. В этой

сфере положение дел можно охарактеризовать формулой — «законодатель не ценит ценность самостоятельности и независимости следователя». Конечно же, речь идет не об отрицании законодателем указанной идеи на уровне уголовно-процессуальной идеологии и политики. Скорее всего, налицо лишь недостатки законодательной техники воплощения принципа самостоятельности и независимости следователя. И главный недостаток выражается в необоснованном игнорировании указанного принципа в идеологическом разделе Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), то есть в главе о принципах.

© Пьянкова Н.В., 2020

Этот концептуальный изъян законодательной техники оказывает существенное влияние на нормативно-идеологический фон, в котором вынуждена пробиваться исходная идея процессуальной автономии органов и лиц, ведущих расследование. С одной стороны, признавая ценность принципа независимости и самостоятельности следователя, наука вынуждена тратить силы на то, чтобы отвечать на вопрос: может ли сама по себе идея самостоятельности и независимости следователя претендовать на статус принципа уголовного процесса?

Как известно, УПК РФ не констатирует признание этой идеи принципов. В главе второй УПК РФ, закрепляющей принципы уголовного процесса, среди нормативно закрепленных концептуальных положений идея процессуальной самостоятельности и независимости следователя или иного субъекта досудебного производства (в отличие от идеи независимости суда) не обнаруживается. Не обнаруживается конкретных нормативных примет этой идеи и в разделе об общих условиях предварительного расследования, где, казалось бы, этой идее, в силу ее бесспорного принципиального значения для всего досудебного производства, самое место. Таким образом, идея самостоятельности и независимости следователя не имеет «официального документа», удостоверяющего ее принципиальный статус. Концепция судебной реформы (как условный юридический документ), тоже удостоверяет не присутствие, а отсутствие (декларативность) этой идеи в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве.

И тем не менее сам термин «принцип процессуальной независимости и самостоятельности следователя» (в разных вариантах его наименования) не смущает представителей уголовно-процессуальной науки. С какой бы стороны наука не подходила к самостоятельности и независимости следователя, она, как правило, признает (как минимум, не отрицает), что в данной ситуации имеет дело именно с принципом уголовного процесса.

Однако установка, на которой базируется это признание, представляет собой аксиоматическую констатацию теоретической и практической ценности принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя. Принцип процессуальной самостоятельности и независимости следователя преподносится как некая эволюционно-историческая данность, как имманентная часть уголовно-процессуальной идеологии и даже технологии. При подобном подходе интерес исследователей направлен

не на сущность этого принципа (приближение к предпосылкам исходной идеи процессуальной автономии). Этот интерес сразу же переносится в зону практической оптимизации технологии воплощения идеи, в прагматическую плоскость, нацеливается преимущественно на вопрос о «справедливых» пропорциях этой самостоятельности и независимости при распределении ее между участниками процесса.

Практическая направленность исследований похвальна, но она не убавляет нерешенных проблем. Противоречия, которые наука пока не может решить в практической плоскости, обусловлены, на наш взгляд, недостаточной концептуальной проработкой проблемы сущности анализируемого нами принципа. По нашему мнению, эта идея имеет полное право на принципиальный статус не только в силу ее широкого теоретико-аксиоматического признания. Нужны идеологические и методологические основания для применения нового научного подхода, который позволил бы трансформировать аксиому ценности самостоятельности и независимости следователя в теоретическое обоснование этой ценности, тем самым заменив умозрительные основания на научно обоснованные, которые, в свою очередь, облегчили бы решение и практических проблем.

Изучив традиционные и инновационные теоретико-методологические схемы постижения сущности принципов отечественного уголовного процесса, мы пришли к выводу, что наиболее подходящим для названной задачи следует считать новое направление в уголовно-процессуальной теории — уголовно-процессуальную концептологию. Целенаправленно разработкой данного направления в настоящее время занимаются М.П. Поляков [1, с. 43—47] и А.Н. Конев [2, с. 107—111]. В публикациях указанных ученых звучит призыв — при поиске нужных концептов обратить внимание на эвристический потенциал уголовно-процессуальной типологии.

Типология в синтезе с уголовно-процессуальной концептологией способна помочь в познании сущности принципа самостоятельности и независимости следователя. По нашей гипотезе, идея процессуальной автономии субъектов расследования возникает и конкретизируется в принцип самостоятельности и независимости следователя одновременно с оформлением и развитием разыскного (инквизиционного начала) уголовного судопроизводства.

Появление и активное внедрение данного начала обусловлено масштабными историческими событиями, глобальными переменами в тех-

нологии организации человеческих сообществ. Разыскные начала опирались на две движущие силы — организационно-управленческую и эвристическую. В основе первой силы лежал концепт публичности, в основе второй — концепт рационального познания. Взаимодействие этих концептов и переплетение названных сил во многом объясняет сам генезис разыскных начал и эволюцию порождаемых им типологических принципов.

Следует заметить, что указанные выше концепты не брались уголовным судопроизводством в готовом виде. Они формировались в разных сферах деятельности и в самом уголовном процессе в рамках идеи публичности (официальности), которая, в свою очередь, была осознана вместе с развитием такой формы общественного устройства, как государство. Уголовный процесс разыскного типа возникает в атмосфере формирования и укрепления европейской государственности совместно с появлением ведущих государственных институтов. Функция правосудия становится исключительно государственной функцией.

Трактуя разыскные начала как проявление принципа публичности в широком историческом смысле, ученые ставят в методологический центр процесса инквизиционного типа деятельность органов, ведущих уголовный процесс *ex officio*. Подобный подход следует признать правильным. Это не просто констатация перемен в движущей силе процесса при переходе от состязательности к розыску, это провозглашение новой идеологии уголовного судопроизводства, заключающейся в переводе процесса на профессиональные рельсы. Если состязательное начало (состязательный принцип) выражается в том, что в основе уголовного судопроизводства лежит самодеятельность сторон (т. е. частная инициатива), то разыскной принцип (инквизиционное начало) предусматривает отступление от этой самодеятельности сторон, замену этой самодеятельности особой деятельностью специальных государственных структур. Метафорично это можно сформулировать, как переход уголовного судопроизводства из области стихийного искусства в область управляемой технологии.

Через институционализацию специальных структур, на которые возложено ведение уголовного судопроизводства, реализуется организационно-управленческий концепт разыскных начал; через технологию (процедуру) особой деятельности воплощается эвристический концепт. В рамках уголовного судопроизводства

разыскного типа данные концепты стремятся к гармоничному сосуществованию, порождающему новое системное качество процесса, позволяющее ему претендовать на установление истины.

Чисто теоретически гармония должна была возникнуть тогда, когда принципиально новая форма деятельности будет возложена на принципиально новый орган. В этом, собственно, и заключалась квинтэссенция разыскного начала. Однако в сфере практики воплощение чистой теории случается далеко не всегда. Разыскные начала пробивали себе дорогу с трудом, по-разному реализуясь в разных сферах общественной жизни. В старые времена эти сферы имели четкую градацию и подразделялись на сферу церковную и сферу светскую.

В церковном мире, в силу своеобразных идеологических и методологических оснований, к созданию нового органа и применению новой технологии подошли инновационно. Разыскные начала оформились там в явление, называемое инквизицией. В силу разных идеологических причин имя «инквизиция» стало сегодня нарицательным. Вместе с тем, в контексте того исторического периода это был просто особый формально и структурно оформленный способ и орган познания, в первую очередь познания еретической деятельности. Эффективность применения этого метода оказала влияние на светское судопроизводство и в конечном итоге привела к тому, что уголовный процесс отдал предпочтение познавательной (поисковой) технологии перед технологией исковой (состязательной).

Несмотря на то что опыт органов святой инквизиции воодушевил обычное уголовное судопроизводство, в светской сфере пошли иным путем. Эвристический концепт был воспринят без особых трансформаций, а вот в части восприятия организационно-управленческого концепта был выбран путь, который можно назвать приспособленческим. В качестве органа, призванного реализовать разыскные начала на практике, был создан не особый инновационный орган, а приспособлен старый орган — суд. Однако в рамках разыскной технологии содержание имени «суд» принципиально изменилось. Оно подразумевало суд уже не в его исконно правосудном понимании, как некую судебную технологию открытого рассмотрения спора, а суд в структурном смысле, как некий орган государственной власти, наделенный правом констатации решения.

«В центре этой технологии, — пишет М.П. Поляков, — оказался познающий субъект,

который лишь по инерции назывался судом, но, по сути, осуществлял несудебные функции. Можно говорить о том, что в рамках поисковой технологии суд воплощал собой не методологический принцип, а всего лишь административную структуру, сохраняя только имя, а не сущность... Поисковая технология уголовного процесса совсем не смогла отказаться от имени «суд» по идеологическим причинам. И ключевая идея сохранения этого имени уже в некотором роде мистическая — божественное происхождение судебной власти. Без этого второго постулата веры уголовное судопроизводство обходиться не может» [3, с. 87].

Таким образом, этим приспособленческим решением в деятельность суда в рамках инвизиционной формы было заложено методологическое противоречие. Разыскная функция не совсем вписывалась в идеологию и технологию судебной «миссии», которая по «сакральной» идеологии суда была определена суду «небесами». Поэтому организационно-управленческий концепт разыскного начала был реализован «дефектно»: на старый орган была возложена новая разыскная функция, что во многом ограничило и полноценную реализацию эвристического концепта. Неслучайно суд как орган в ходе дальнейших эволюционных преобразований уголовного судопроизводства всячески старался освободиться от разыскной функции.

Картину этого освобождения (в первую очередь от эвристического концепта разыскных начал) мы можем наблюдать и по истории отечественного уголовного процесса. Легко заметить, что суд выделил из себя вместе с разыскной функцией фигуру судебного следователя, вынеся исследовательскую функцию за рамки судебного производства, но не за рамки совокупной судебной деятельности. Несмотря на то что судебный следователь числился по судебному ведомству, в этом организационном шаге был заключен более глубокий смысл, отражающий внутреннюю тенденцию, присущую разыскным началам, — *возложение исследовательской функции (реализация эвристического концепта) на специфический и, подчеркнем, несудебный орган.*

В рамках последовательной реализации этого методологического замысла, предпосланного самой сущностью разыскного начала, судебный следователь эволюционировал в следователя, связанного не с судебными органами, а с органами юстиции. Позже значительная часть следственного аппарата была оторвана уже и от органов юстиции и прикреплена к разным пра-

воохранительным ведомствам (органы внутренних дел, органы государственной безопасности и т. д.). И сущность этого отдаления от суда нужно понимать не как утрату судебной власти, а как обретение новой власти, сохранявшей с властью судебной преемственность в самостоятельности и независимости.

На первый взгляд может показаться, что последующий отрыв органов следствия от органов юстиции уже не имел такого принципиального значения, как разрыв следственной деятельности с органами суда, а являлся лишь проявлением тенденции, призванной показать, что эвристический концепт разыскных начал превалирует над организационно-управленческим.

Действительно, история реализации разыскного начала, как в уголовном процессе чисто розыскного типа, так и в процессе смешанного типа, показывает, что для подобных выводов есть основания. Однако история органов расследования весьма четко высвечивает и другую тенденцию — поиска универсального органа расследования. Почти сто лет отечественный уголовный процесс развивается в рамках этой тенденции. Появление новых органов предварительного следствия и упразднение старых, трансформация системы органов дознания — все это наглядно подтверждает данную тенденцию. И эта тенденция наводит на мысль о том, что в рамках разыскного начала организационно-управленческий концепт имеет не подчиненное, а равное положение с эвристическим концептом. В этом как раз и реализуется идея гармонии организационно-управленческого и эвристического концептов разыскных начал.

Однако одного признания равенства для восстановления гармонии этих концептов оказывается недостаточно. Это только первый шаг, который перемещает исследователя в поле проблемы, выражающейся в вопросе о том, какой орган наиболее приспособлен к гармоничному воплощению эвристического концепта. В современной теории уголовного судопроизводства эта проблема проявляет себя в форме обсуждения целесообразности двух линий: либо возвращения к более плотной связке следователя с судебной деятельностью, либо гармонизации в форме сосредоточения следователей в структуре унифицированного следственного аппарата.

Проблема сближения следственной и судебной деятельности проявляется через такие термины, как «судебный следователь» и «следственный судья». Не вдаваясь в дискуссию, которая складывается вокруг этих конструкций,

обратим внимание на само стремление ученых увязать следственную деятельность с деятельностью суда. Полагаем, что это проявление все тех же тенденций, о которых мы говорили выше. Объективно следственная функция пытается отдалиться от органов правосудия и даже от органов юстиции. Эвристический концепт чисто технологически предписывает этой функции находится ближе к оперативно-разыскной, а не к судебной деятельности. По сути, с точки зрения эвристического концепта оперативно-разыскная и следственная деятельность являются лишь процедурными формами гносеологически единой познавательной деятельности. Но процедурной формой этой деятельности является и деятельность судебная. Вряд ли нужно доказывать, что судебное следствие строится на той же рационально-познавательной технологии, что и следствие предварительное, а также и оперативно-разыскная деятельность.

Таким образом, мы снова попадаем в зону тенденции, в рамках которой эвристический концепт преобладает над организационно-управленческим. Однако здесь следует четко признать, что тенденции имеют эмпирическую природу. Если же рассматривать дуальное взаимодействие концептов, выражающих розыскное начало в чисто теоретической плоскости, то можно понять, что речь идет не о преобладании одного концепта над другим, а о свободе практического их выражения. Эвристический концепт задан гносеологическими принципами, которые не могут быть изменены по воле организаторов следственной деятельности. Структурно-управленческий аспект, напротив, более податлив для «творческого» подхода. Но это тоже лишь мнимая податливость. Сам по себе этот организационно-управленческий концепт несет в себе идею универсального субъекта расследования (идеального следователя). Именно это свойство концепта и важно для постижения сущности принципа независимости и самостоятельности следователя.

Всем вышеизложенным мы хотим показать, что сама по себе идея независимости и самостоятельности следователя может быть понята только на более высоком идеологическом и методологическом уровне. Это идея, имманентно

присущая сути самой поисковой технологии уголовного процесса. Без этого принципа нет и не может быть самой этой технологии. Но данный принцип, по сути выражающий идею внутренней свободы исследователя, не препятствует и не противоречит ни идее процессуального руководства, ни идее процессуального контроля. Все это лишь внешние ограничения, а принцип самостоятельности и независимости следователя имеет внутренний источник. Именно эти нюансы и следует учитывать при реализации анализируемого принципа через систему соответствующих правоотношений, складывающихся как в сфере познания по уголовному делу, так и в сфере процессуальных отношений власти — подчинения.

Примечания

1. Конев А.Н. Идеологический (концептологический) анализ «идейного» понятия принципа уголовного процесса // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 107—111.
2. Поляков М.П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 43—47.
3. Поляков М.П. Несколько мыслей об идеологической сущности принципов уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 84—88.

References

1. Konev A.N. Ideological (conceptological) analysis of the "ideological" concept of the criminal process principle. *Proceedings of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2 (46), pp. 107—111. (In Russ.)
2. Polyakov M.P. Ideological approach and criminal procedure conceptology as tools for understanding the essence of domestic criminal proceedings. *Proceedings of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1 (45), pp. 43—47. (In Russ.)
3. Polyakov M.P. A Few thoughts about the ideological essence of the principles of criminal procedure. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2016, no. 3 (35), pp. 84—88. (In Russ.)